

## СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ СЬӖЛЫК «ГРЕХ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

**Т. Р. ДУШЕНКОВА,**

*кандидат филологических наук,*

*старший научный сотрудник отдела филологических исследований*

*Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН*

*(г. Ижевск, РФ)*

Грех рассматривается в разных развитых монотеистических религиях. Огромную роль в развитии данного концепта сыграло христианство. В христианской традиции понятия *греха* и *покаяния* занимают особое место. Для христиан грех – это проступок, провинность, а также нежелание следовать заповедям<sup>1</sup>; нечто, противоречащее человеческой природе, порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрел при грехопадении. Тем, кто уверовал и крестился, их первородный грех<sup>2</sup> прощается и окупается (Мр. 16:16), (Рим. 8:1). Греховным может быть действие (или бездействие), слово, мысль, желание или чувство.

<sup>1</sup> Христианские заповеди: 1. Я есть Господь Бог твой, и нет других богов, кроме Меня. 2. Не сотвори себе кумира и никакого изображения; не поклоняйся им и не служи им. 3. Не поминай имени Господа Бога твоего всуе. 4. Шесть дней работай и делай всякие дела свои, а седьмой есть день отдохновения, который посвяти Господу Богу твоему. 5. Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долготелен. 6. Не убий. 7. Не прелюбодействуй. 8. Не укради. 9. Не лжесвидетельствуй. 10. Не пожелай ничего чужого.

<sup>2</sup> В христианстве различаются три типа греха. Первородный грех – поврежденность человеческой природы, возникшая вследствие греха прародителей. Родовой грех – особая в данном роде (племени, народе и т. д.) наследственная подверженность какой-либо страсти, обусловленная тяжелыми преступлениями своего предка (предков). Это понятие достаточно новое и признается не всеми. Личный грех – поступок против совести и 10 заповедей Божиих.

В соответствии с православным вероучением под грехом понимаются действия, совершение которых наносит вред человеку, прежде всего его душе. Нарушение нравственных законов существования и развития личности имеет для нее онтологические последствия в виде вреда, который можно сравнить с последствиями нарушения физических законов. Совершением греха человек отдаляет себя от Бога и некоторых людей. Исполнение заповедей необходимо не Богу, а человеку. Последствия причиненного себе вреда называются *наказанием*, а страдание от последствий – *воздаянием*.

На иврите грех звучит как *авера*, что в буквальном переводе означает ‘переход за грань дозволенного’. Таким образом, в иудаизме грех – нарушение или неисполнение заповеди.

В исламе грех подразумевается как слабость человека, его неспособность к выдержке перед искушением шайтана. Грех понимается как какое-либо действие (или бездействие), противоречащее законам Аллаха, заветам Пророка. Мусульмане воспринимают как грех и неверие, многобожие. Неверные мысли считаются словами, нашептанными шайтаном. В таких случаях Коран рекомендует обращаться к Аллаху с просьбой о защите от подобных мыслей. В исламе грех, исполненный осознанно и по своей воле, будет упомянут в День Страшного

Суда (День Воскресения). Если же человек раскаялся, стал совершать добрые дела и старается не повторять ошибок, Аллах может простить ему грехи, в День Страшного Суда количество его добрых дел «перевесит» количество грехов и человек пойдет в рай.

В соответствии с православным вероучением под грехом понимаются действия, совершение которых наносит вред человеку, прежде всего его душе. Нарушение нравственных законов существования и развития личности имеет для нее онтологические последствия.

В традиции многих дхармических религий (индуизм, джайнизм, буддизм) учение кармы отражает специфическое понятие греха. Здесь грех – субъективная категория, является более общим понятием и часто обозначает любой поступок, отягчающий карму индивида. Череда перерождений непосредственно зависит от совокупности плохих и хороших поступков субъекта (понятие о *воздаянии*). Грех в данном случае – не нарушение воли божества, а нарушение универсального закона (дхармы), единого и непреложного для всех существ.

В данной статье рассмотрим лексему *сьӧлык* в удмуртском языке. Как оказалось, выражений с данным словом совсем немного, а имеющиеся носят религиозный оттенок и близки к калькам с русского языка. Само же лексема – заимствованный болгаризм. Попробуем проследить историю и эволюцию происхождения его в удмуртский язык.

В традиционном удмуртском мировоззрении всегда существовали своя шкала оценки нравственных и духовных ценностей, свои понятия о том, что плохо и хорошо, нравственно и безнравственно, можно и нельзя. С этической точки зрения осуждаются такие пороки, как *лень, глупость, жадность, пьянство, трусость, воровство, зависть, неблаго-*

*дарность*. Особой ценностью являются *знание, труд (речь* противопоставляется *труду*, и отношение к ней негативное). Следом идут *семья, здоровье, пища*, на последнем месте – *богатство* [3, 120–124]. Как видим, этические ценности стоят на первом месте.

Христианство оказало сильное влияние на мировоззрение удмуртов. Библейские слова и фразеологизмы прочно вошли в язык. Перевод Библии на удмуртский язык в 2013 г., продолжавшийся более 20 лет, методично проходил апробацию в СМИ, публикациях отдельных книг, службой на удмуртской языке и т. п. В Удмуртско-русский словарь, изданный в 2008 г., было включено около 250 ед. библейской лексики [10].

В удмуртском языке есть несколько выражений, в которых встречается рассматриваемое понятие: *Сьӧлыктэм выльсь сьӧлыко карыны* (букв.: обвинять в грехах безгрешного) ‘Грех беру на себя’ [4, III]; *Кышкад бере, сьӧлыкед трос* (В. К. Кельмаков) ‘Раз испугался, значит, греха много (у тебя)’ (здесь подразумевается именно *грех* в ед. ч., но большой по объему, в противном случае было бы *сьӧлыкъёсыд* ‘твои грехи’) – эта форма сформировалась под влиянием русского языка; *Вӧсяськиз, вӧсяськиз но – сьӧлыко ик кулӧз* ‘Молился, молился – грешником же и умер’ [12, 188]; *Со мынам сьӧлыке ӧвӧл ни* ‘Это уже не мой грех’.

В Удмуртско-русском словаре статья *сьӧлык* рел. ‘грех || грешно’ пополнена примерами из текстов Священного Писания: *сьӧлык куштон* ‘прощение грехов’; *сьӧлыкез ас вылад басьтыны* ‘взять грех на себя’; *сьӧлыкъёсыз понна ӧбкелем* ‘раскаившийся’; *кыныз азылон сьӧлык лэсьтон* ‘рукоблудие’; *пудо-животэн азон сьӧлык лэсьтон* ‘скотоложество’; *тынад сьӧлыкъёсыд куштӧсько* ‘прощаются тебе грехи твои’ и т. п. [11, 622].

От данного корня образовались следующие слова: *сьӧлыкан* рел. ‘совершение греха’, *сьӧлыканы* рел. ‘согрешить, грешить, совершить (совершать) грех’; *сьӧлыко* рел. ‘грешный || грешник’ (*сьӧлыко*

адями ‘грешный человек’); *сьӧлыкомыны* рел. ‘согрешить, стать грешным’; *сьӧлыктэм* ‘безгрешный’; *сьӧлыкам* прич. и сущ. от *сьӧлыканы*; *сьӧлыкаськон* сущ. от *сьӧлыкаськыны*; *сьӧлыкаськыны* см. *сьӧлыканы* [11, 622–623].

В ближайшем к удмуртскому языку пермской группы – коми – лексема *грех* полностью заимствована из русского языка. По-видимому, это связано с более ранним принятием христианства в Коми крае (миссионерская деятельность Стефана Пермского; феномен деревянных скульптур фигуры Иисуса Христа и т. п.). В коми языке нет соответствующей лексемы, но в некоторых выражениях все же сохранились коннотативные элементы, обозначающие это понятие: *грек*; *ян: томдырся грекъяс* ‘грехи молодости’; *мынтысьны грекъясысь* ‘расплачиваться за грехи’; *яныд тай ӧшйӧ, он и тӧдлы* ‘и не заметишь, как грехи набираются’; *грека олӧм* ‘греховная жизнь’; *грека кӧсйӧм* ‘греховные помыслы’; *сийӧ жӧ* ‘греховодник’, *мый* ‘греховодник’; разг. *мывкыдтӧма овны* ‘греховодничать’; *грекӧ вӧйӧм* ‘грехопадение’ [10, 170]. В Кратком этимологическом словаре коми языка к *ян* дано однокоренное слово *янӧдны* ‘пристыдить, опозорить, смутить’ ср. *янсажны* ‘расставаться’ (Wichm.-Uot.) [5, 337], где сема греха, вследствие, например, позора, явно присутствует.

Переходя к этимологии слова, следует отметить, что в удмуртском языке лексема *сьӧлык* была заимствована, как утверждает И. В. Тараканов, из (прото) чувашского языка, в болгарский, а значит, дохристианский период: *сьӧлык* ‘грех’, мар. *сулык* ‘тж’ < чув. *сьӧлӧх* \**jasuç* [7, 118]. Другой исследователь, М. Р. Федотов, указывает, что в марийском языке слово заимствовано из чувашского, а в удмуртском из марийского: удм. *сьӧлык* ‘грех’, мар. *сулык* ‘тж’ < чув. [13, 152–153]. Производные формы: *сьӧлӧх амӧшӧ* ‘брань’ (досл.: порождающая грех или мать греха); *сьӧлӧха кӧр-* ‘согрешить; быть искушенным, впасть в искушение; допустить

погрешность’; *сьӧлӧхсӧр* ‘безгрешный; не подчиняющийся правилам морали (о бессердечном, злом человеке)’. Ср.: каз., алт., тел., тур. *йазык* ‘грех; проступок, преступление; несчастье; вред; стыд’; кирг., каз. *язык* ‘ошибка, грех’; каз. *языкылы* ‘грешный’; каз., кирг. *языксыз* ‘безгрешный’.

---

На иврите грех звучит как *авера*, что в буквальном переводе означает ‘переход за грань дозволенного’. Таким образом, в иудаизме грех – нарушение или неисполнение заповеди.

---

В толковании этимологии чувашского слова *сьӧлӧх* нет единого подхода. Е. А. Малов возводит *сьӧлӧх* к еврейскому *селиха* ‘прощение, отпущение вины’ (см. Псал. 130: 4) от глагола *салах* ‘уравнивать, сглаживать; прощать грех кому’. В. Г. Егоров, сближая его с алтайским *дызык* ‘ошибка; грех; преступление’, видит чередование *л~з*. Х. Эрен замечает, что эти слова нельзя сблизить «из-за неверного *л~з*», чувашское *сьӧлӧх* можно сопоставить с кыпчакским словом *ilik* ‘грех’: *ilik* < \**yilik* > чув. *сьӧлӧх*. Сам М. Р. Федотов предлагает возводить *сьӧлӧх* к древнетюркскому *janluq/janluq* ‘ошибка’ < *janil-* ‘ошибаться, заблуждаться; совершить проступок; грешить’, усматривая чередование *nl~л*. Возможно, коми слова *ян* ‘грех’ и *янӧдны* ‘пристыдить, опозорить, смутить’ каким-то образом связаны с древнетюркским *janluq* ‘ошибка’ [12, 152–153].

От чувашского слова *сьӧлӧх* ‘грех, грешно; погрешность’ образованы следующие слова: *сьӧлӧхлан* рел. ‘согрешить, впасть в искушение’; *сьӧлӧхлӧ* ‘грешный, виноватый’ (*Эпӧ сьӧлӧхлӧ мар* шутил. ‘я не грешен’); *сьӧлӧхсӧр* ‘безгрешный, безвинный; непорочный’; в одном из диалектов используется в значении ‘безнравственный’ [13, 432].

В марийском языке есть две лексемы – *язык* и *сулык*, – обозначающие ‘грех’:

*сулыкыш пураш* ‘грешить, согрешить’, *сулыкан* ‘грешный’, *сулыккланаш* ‘грешить, согрешить’ [5, 547]; *язык сулаш*, *язык касарааш* ‘исповедоваться в грехах, искупать вину’; *языкаш пураш* ‘грешить, согрешить’; *языкан* ‘грешник, грешный’; *языкан лияш* ‘грешить, согрешить’, *языкдыме* ‘безгрешный’ [5, 785]. Лексема *язык* также является заимствованием (см. выше).

В исламе грех подразумевается как слабость человека, его неспособность к выдержке перед искушением шайтана. Грех понимается как какое-либо действие (или бездействие), противоречащее законам Аллаха, заветам Пророка.

Мар. *сулык* и чув. *зылӑх* являются многозначными словами, чего нельзя сказать об удм. *сьӧлык*, за которым закрепилось одно значение ‘грех’. В марийском и чувашском языках имеются следующие семьи: *грех, ошибка, погрешность*.

В удмуртском литературном языке для обозначения ошибки, промаха употребляется слово *янгыш* ‘ошибка, просчет; проступок, вина; ошибочный; виноватый’ (например, *янгыш карон*, *янгыше уськытон* юр. ‘обвинение’; *янгыш лэстыны* ‘сделать (совершить) ошибку; ошибиться’; *янгыш луыны* ‘оказаться ошибочным, ошибиться; оказаться виноватым’; *янгыше вуттыны* ‘привести к ошибке’; *янгыше сторыны* (*усьыны*) ‘ошибиться, допустить ошибку; оказаться виновным’; *янгыше уськытйсь* ‘обвинитель’; *янгыше уськытэм* юр. ‘обвиняемый’; *янгыштэ валаны* ‘признать свою вину’; *диктантаз янгышьёсыз трос* ‘у него в диктанте много ошибок’; *солэн янгышеныз* ‘по его вине (оплошности)’. Кроме того, есть диалектное слово *янгышлык* ‘ошибка, оплошность, ошибочность; упущение, неточность, погрешность, неверность, неправильность; заблуждение; *янгышам* ‘допустивший (совершивший) ошибку,

виновный, провинившийся’; *янгышам адыми* ‘провинившийся человек’ [10, 822–823]. В разных диалектах можно встретить и другие лексемы, которые указывают на сему ошибки, – *ошибка, вина, виноват, сьӧлык* ‘проступок, вина, грех; провинность, грешок’; глаголы *аладськыны, пӧяськыны, эрекчаськыны, шӧдтэк кыльыны, янгыше усьыны* ‘ошибаться, ошибиться, допускать (совершать) ошибки, допустить (совершить) ошибку’ [2, 723].

В контактирующих языках параллели обнаруживаются в башкирском языке – *яңылышлык* 1) ошибка; 2) неточность, погрешность; 3) ошибочность [1, 723]; татарском – *яглыш* [8, 706], в чувашском – *йӑнӑш* [13, 121]. Ни в коми, ни в марийском словарях подобной лексемы не выявлено. Словообразовательных дериватов больше всего в удмуртском языке – 11, в башкирском их всего 5.

В татарском и башкирском языках для обозначения понятия *грех* используется слово *гәнаһ* ‘1. рел. грех, согрешение; *гәнаһ капчыгы* греховодник’; *гәнаһ шомлыгы* ‘беда, несчастье, напасть; 2. вина, проступок; 3. преступление’ [8, 121]. В башкирском: *гәнаһ* ‘грех, вина, провинность’; *гәнаһ эшләү* ‘грешить, совершать грехи’; *гәнаһына күрә язаһы* погов. ‘по вине и наказанию’ [1, 152].

Усвоение и проникновение лексики в зоне активного контактирования охватывает практически все уровни языка, более отдаленные районы усваивают только лексику. «Обмен» словами, а тем более этическими терминами – очень интересный и важный процесс. Для этого должны были быть какие-то предпосылки, тесные языковые, экономические и другие контакты.

Как подчеркивает В. В. Напольских на основании анализа тематических групп тюркизмов, «...в болгарскую эпоху наибольшее количество слов проникло из области сельскохозяйственного производства, животноводства, ткачества и свадебно-обрядовой терминологии» [6, 25]. Среди них были и слова, связанные с мифологией, верой, общественными

отношениями; указывающие на эмоциональное и психологическое состояние человека, его мысли и т. п. Всего насчитывается около 200 заимствований.

Если сделать небольшой экскурс в историю, то вырисовывается следующая картина. «В обособлении предков удмуртов от их северных родичей по языку, предков коми, важнейшую роль сыграли связи южнопермских (протоудмуртских) групп с тюрками. Контакты с булгарами и их прямыми языковыми потомками чувашами продолжались со времени появления их в Среднем Поволжье в VII–VIII вв. н. э. и, как минимум, до XIV в. (в южноудмуртские диалекты попали названия Москвы – Musko и Казани Kuzon) в удмуртском языке в огласовке, свидетельствующей скорее о чувашском, чем о татарском или русском источнике), и отразились в наличии около двух сотен “булгарских” (булгаро-чувашских) заимствований в удмуртском языке. В коми языке – около 30. ...окончательный распад пермского праязыка произошел уже в эпоху ранних булгарско-пермских контактов... булга-

В традиционном удмуртском мировоззрении всегда существовали своя шкала оценки нравственных и духовных ценностей, свои понятия о том, что плохо и хорошо, нравственно и безнравственно, можно и нельзя.

ризмы проникали в древнекоми диалекты через посредство древнеудмуртских, а уже в первые века II тыс. н.э. на севере пермского ареала доминирующим стало древнерусское культурно-языковое влияние, что препятствовало усвоению тюркизмов с юга» [6, 51]. Поэтому слово *грех* в коми языке заимствовано из русского языка, а в удмуртском используется лексема *сьёллык*.

Таким образом, лексема *сьёллык* в удмуртском языке была заимствована из чувашского языка в булгарский период. За ней закрепилось одно значение – *грех*. Для обозначения понятия *вина*, *ошибка* в удмуртском языке используется слово *янгыш*. Чувашское и марийские слова совместили в себе несколько значений.

Поступила 20.09.2014

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Башкирско-русский словарь* / сост. К. З. Ахмеров и др. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 804 с.
2. *Глухова, Н. Н.* Системы ценностей финно-угорского суперэтноса : моногр. / Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. – Йошкар-Ола : ООО «Стринг», 2009. – 276 с.
3. *Дзюина, К. Н.* Средства образного выражения в удмуртском языке / К. Н. Дзюина. – Ижевск : Удмуртия, 1996. – 144 с.
4. *Лыткин, В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.
5. *Марийско-русский словарь* / сост. А. А. Асылбаев и др. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 864 с.
6. *Напольских, В. В.* Введение в историческую уралистику : моногр. / В. В. Напольских. – Ижевск : Удмурт. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 268 с.
7. *Тараканов, И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь) / И. В. Тараканов. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.
8. *Татарско-русский словарь*. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 864 с.
9. *Русско-коми словарь* / Л. М. Безносикова, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2003. – 1104 с.
10. *Удмуртско-русский словарь* / сост. Т. Р. Душенкова и др. ; Удмурт. ИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. – 925 с.
11. *Удмуртский фольклор : Пословицы, афоризмы и поговорки* / сост. Т. Г. Перевозчикова. – Устинов : Удмуртия, 1987. – 276 с.
12. *Федотов, М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С-Я / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с.
13. *Чувашско-русский словарь* / И. А. Андреев и др. ; под ред. М. И. Скворцова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.